Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Пульс

Орган парткома, дирекции, комитета ВЛКСМ, профкома и месткома 1-го Ленинградского медицинского института им. акад. И. П. Павлова

№ 27 (866) | Суббота, 21 сентября 1957 г. | Цена 10 коп.

За укрепление учебной дисциплины

Прошло три недели нового учебного года. Все более привычным и четким становится ритм учебных занятий.

Недавно партийный комитет института собрался, чтобы заслушать сообщение комиссии парткома, подробно ознакомившейся с положением дел на кафедрах и курсах. О чем же сообщила комиссия?

Коллектив института проделал большую подготовительную работу к началу учебного года. Все кафедры уделяют значительно больше времени самостоятельной работе студентов. Так, например, кафедра глазных болезней из 12 дней 6 отводит на освоение техники исследования больного, 3 дня — на работу в поликлинике. Кафедра факультетской терапии в этом году отводит 4 дня для работы студентов в лаборатории. Таких примеров можно привести немало.

В связи с этим удивляет подчас совершенно несерьезное отношение к делу самих студентов. Особенно неприятными явились опоздания к началу учебного года. У некоторых юношей и девушек это становится уже дурной привычкой. «Впереди еще целый год, ну что плохого, если я три—четыре денька пропущу? Отстану что ли?», рассуждает такой студент. Ничем иным, как недисциплинированностью, распущенностью нельзя объяснить эти опоздания. Характерно, что среди опоздавших трудно встретить серьезного, хорошо успевающего студента. Это обычно люди с посредственными знаниями, занимающиеся без интереса. Именно к таким студентам можно причислить пятикурсников Литвиненко, Трояновскую, Федорову, опоздавших на три—семь дней, Глеба Грошева с IV курса. Неужели не стыдно этим товарищам стоять перед деканом с видом «кающегося грешника», краснеть и смущаться, и, опустив глаза, доказывать, что ты был «болен»? Ни подобным объяснениям, ни сомнительным справкам со «скользкими диагнозами» (фолликулярная ангина, катарр верхних дыхательных путей) нет веры. В первый день занятий на кафедру глазных болезней не явилось 14 человек из 28, на кафедрах гигиены и кожных болезней в четырех группах отсутствовало 10 человек. Нужно прекратить подобного рода безобразие. Пора покончить и с плохой посещаемостью лекций.

Еще одно обстоятельство не может быть терпимо дольше. Речь идет о задолженностях за прошлый семестр. Их немало. На VI курсе — 28 человек, на V — 7, IV — 38, на III — 14 и на II курсе — 99 человек. Эти задолженности должны быть ликвидированы в кратчайший срок.

Весь наш институт готовится к встрече 40-летия Октября. Дальнейшим укреплением учебной дисциплины, повышением качества подготовки специалистов должны встретить мы эту славную дату!

НА КОЛХОЗНЫХ ПОЛЯХ

— Ребята, помочь! — несется по полю звонкий голосок Людмилы Игнатьевой. Среди второкурсников, занятых на уборке картофеля, Игнатьева — одна из лучших. В то время, как многие девушки только копают картофель, а переносят его в корзинах ребята, Игнатьева успевает сама в паре с кем-нибудь и перенести накопанный ею картофель.

НА СНИМКЕ: Людмила Игнатьева и Юрий Зельницкий в мгинском колхозе имени Ворошилова.

СТУДЕНТЫ — НА УБОРКЕ УРОЖАЯ

ОГРОМНОЕ, на многие гектары раскинувшееся картофельное поле. Это семенной участок колхоза имени Ворошилова Мгинского района. Здесь на уборке урожая работает большая группа студентов нашего института — второкурсники.

Не успели мы пройти по полю и ста метров, как рядом мгновенно образовалась группа ребят.

— Откуда? Из института, да? — посыпались вопросы. — Ну, что там у нас новенького? Как комитет, совсем забыл о нас? Хоть бы газет свежих прислали, что ли! Привезли? Давайте скорее!

Небольшая пачка свежих центральных и городских газет, которую нам с трудом удалось собрать в институте, разлетелась по рукам моментально. Устроив «перекур», студенты жадно набросились на газеты.

— Хватит, хватит, потом почитаете, — не выдержали мы. — Расскажите лучше, как живете, как работается.

— Хорошо, не жалуемся, — ответил ближе всех стоящий к нам студент. Вот получили первое задание колхоза — убрать участок семенного картофеля. Нужно его выкопать, отобрать для хранения лучшие экземпляры и уложить в бурты. Ничего, дело подвигается довольно быстро. Что? Трудно ли? В первые дни очень уставали. Ноги и руки болели нещадно, спины не разогнуть было, хотя, надо сказать, норму для нас установили невысокую — 400 кг в день на человека. Но постепенно все втянулись в определенный трудовой ритм, и сейчас работа идет легче, быстрее.

К разговору подключается кто-то из девушек и рассказывает о том, что студентов хорошо разместили. Живут они в избах у колхозников по 5—6 человек. Колхоз снабжает их необходимыми продуктами, хлебом, молоком, овощами, мясом.

Вообще, у нас все в порядке, говорят ребята. Институт не подведем!

Мы коротко побеседовали с М. Я. Ротгаузером, руководителем студенческой группы, работающей в колхозе имени Ворошилова.

— Да, — говорит он, — студенты правы. Работают они в основном хорошо. А некоторые просто отлично. Это, например, Л. Игнатьева, С. Казакова из 238-й группы, В. Шульман из 229-й, Р. Крижевский — из 235-й, С. Шеховцев. В. Миневрин из 240-й группы, А. Кореневская из 239-й.

— У колхоза претензий к нам нет, а помощь нашу они уже ощущают, — говорит Марк Яковлевич.

В двадцати минутах езды на поезде — станция Войбокало. Там, в колхозе «Дружный труд», работают наши первокурсники, убирают картофель, морковь, капусту, заготавливают корма для скота.

И здесь студенты работают неплохо, но настроение у них хуже. Тут можно встретить на поле юношей и девушек, работающих вяло, без энтузиазма. Мы попытались разобраться в причинах. Оказалось, что студенты здесь значительно хуже устроены, плохо организовано питание работающих, они получают от колхоза в день по поллитра молока, 600 граммов хлеба, 200 граммов капусты и 50 граммов моркови, остальные продукты приходится покупать. Кто виноват в этом — колхоз ли, довольно равнодушно встретивший студентов, или преподаватели, не проявившие в определенных вопросах настойчивости, сказать трудно. Но факты остаются фактами.

В некоторых колхозах не хватает посуды для приготовления пищи, в то время как в комитете комсомола лежит груда мисок и кружек.

В деревне Троицкое студентов поместили... в курятник. Неужели нельзя было найти более подходящего помещения?

То немногое, что нам удалось увидеть в колхозах, позволяет сделать два вывода: там, где преподаватели, выделенные парткомом, проявили нужную инициативу и заботу о быте студентов, работа идет значительно лучше и интенсивнее. И второй вывод — несмотря на некоторые неурядицы, студенты, в основной своей массе, работают в колхозах добросовестно.

Е. КОННИКОВ, А. БЕЛКИН

«Хорошо поработать в поле!» — говорит студентка II курса Эля Маколкина. Смотрите какой красивый «букет» из моркови она набрала!

На снимке: первокурсники в колхозе «Дружный труд» на уборке урожая моркови.

«Сестринская» практика полезна и нужна

К НЕКОТОРЫМ ИТОГАМ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ СТУДЕНТОВ ТРЕТЬЕГО КУРСА

В 1956/57 учебном году на III курсе впервые была проведена так называемая «сестринская» практика. В течение пяти 12-часовых дежурств студенты работали по два человека на сестринских постах, выполняя под наблюдением и руководством медицинских сестер врачебные назначения и все необходимые манипуляции по уходу за больными.

Несмотря на ряд недостатков, неизбежных при первом проведении такой практики, итоги ее позволяют сказать: практика, безусловно, необходима. К основным ее достоинствам следует отнести прежде всего настоящее, детальное знакомство студентов с больничным бытом. Причем во время этой практики студенты впервые подошли к больному может быть с небольшой, но реальной для него помощью — дачей лекарств, инъекций пенициллина и т. д. Эта уже не учебная, а настоящая работа, познакомившая студентов и с чувством ответственности за свои действия и с дорогим для каждого врача ощущением, возникающим при облегчении страдания больного, резко изменила поведение студентов в клинике и отношение к больным. По словам самих студентов, больной для них из объекта изучения и жалости стал человеком, которому надо помочь.

Во время практики студенты довольно быстро освоили основные правила ухода за больными, простейшие манипуляции, подкожные и внутримышечные инъекции. К чести наших третьекурсников следует сказать, что правила асептики соблюдались ими хорошо, инфильтратов не возникало. Правда, на первых дежурствах было несколько случаев внутрикожного введения камфоры, но эти технические погрешности лишний раз подчеркивают, как необходимо для будущего врача научиться владеть шприцем.

Отношение студентов к работе было, как правило, хорошим и добросовестным. Сестры нередко рассказывали мне о внимательном отношении студентов к больным, быстром и безотказном выполнении всех указаний медицинского персонала. К сожалению, были отдельные случаи ухода с дежурств, стремление у некоторых практикантов побыть в перевязочной и, конечно, в операционной только в качестве зрителей.

Недостатки практики касаются главным образом технической ее стороны. Несмотря на четкое расписание, студенты иногда не выдерживали его и самовольно уходили, когда и куда им хотелось. Это приводило в воскресные дни к перегрузке постов, «законные» дежурные были лишены возможности нормально работать. Такая недисциплинированность создавала и добавочные организационные трудности — приходилось сообщать по клиникам фамилии студентов, которые по расписанию должны были дежурить.

Очень плохо практиканты сдавали рапорты о дежурствах. Только в конце июня, хотя практика закончилась в мае, были сданы последние 80 рапортов. Это сильно затрудняло начисление зарплаты медсестрам, и боюсь, что по вине некоторых студентов, не сдавших вовремя своих рапортов, часть медсестер денег до сих пор не получила. Очевидно в будущем надо иначе строить систему учета работы медицинских сестер, инструктирующих практикантов.

Основной вывод, который можно сделать из этого опыта — «сестринская» практика на III курсе полезна и нужна.

Доцент В. СТАВСКАЯ, руководитель практики

Предоктябрьский общественный смотр клиник начался

Лечебные учреждения Ленинграда интенсивно готовятся к встрече 40-й годовщины Великого Октября. В плане этой подготовки в лечебных учреждениях города проводятся сейчас общественные смотры.

Общественный смотр призван мобилизовать медицинских и хозяйственных работников на выполнение решений XX съезда партии по народному здравоохранению.

Первый тур смотра закончился в мае. В итоге его в нашем институте были внесены 73 предложения, касающиеся повышения качества лечения и культуры ухода за больными, улучшения санитарно-гигиенических условий в клиниках и т. д.

Многое из того, что выявлено смотром, не ново. Но тем настоятельнее необходимость устранения недостатков. Еще и еще раз речь здесь должна идти о фактах неправильного лечения и невнимательного ухода за больными, все еще имеющих место в жизни наших клиник (факультетская и госпитальная терапевтическая клиники, факультетская хирургическая клиника), о грубости медперсонала к больным (пропедевтическая терапевтическая клиника). Не везде посты медицинских сестер полностью обеспечены предметами по уходу за больными (термометры, шприцы, иглы к шприцам, мензурки для раздачи лекарств и т. д.).

Второй тур общественного смотра возобновляется с 15 сентября и продлится до 15 октября. Победителю в смотре — коллективу образцовой клиники — будет присуждено переходящее Красное знамя.

Обязанность медицинских работников: устранять все, что может отрицательно повлиять на выздоровление больного.

Л. ЛАНГЕ,
зам. главврача клиник

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

□

ВЫ РЕШИЛИ ПООБЕДАТЬ...

Если вы решили пообедать в нашей «маленькой» столовой, то вам нельзя позавидовать. В обеденное время в крошечных залах такая уйма народа, что буквально нельзя пробраться к столу. А если у вас в руках еще поднос с тарелками, полными супа? Представляете?

Самообслуживание — хорошая и нужная вещь, но не везде. Оно оказалось очень удобным в большой студенческой столовой, а здесь, пожалуй, ничего, кроме неприятностей, не принесет.

Кроме того, очень неловко себя чувствуешь, когда видишь, как всеми уважаемый преподаватель, к тому же часто солидного возраста, вынужден также стоять в очереди за первым блюдом, за вторым, а потом пробираться через толпу молодежи с тарелкой супа в руках. Нехорошо как-то получается, товарищи!

Нам кажется необходимым хотя бы к одному залу «маленькой» столовой, где чаще всего обедают преподаватели, прикрепить для обслуживания официантку.

Попутно еще один вопрос: что слышно с открытием столовой в общежитии № 2? Пускай там было тесно, а обеды порой казались нам невкусными, — эта столовая нужна студентам.

К. СЛАВИНСКАЯ,
студентка 633-й группы

Письма с практики

Письмо первое

Галка, здравствуй! У меня масса новых впечатлений. Вторую неделю — я на практике. Пока — мы терапевты. У меня пять больных — «своих». Достались так себе, не очень интересные, в основном, хроники: я немного опоздала, и девчонки расхватали всех «острых». Правда, потом мне удалось выменять одну «язву желудка» на «экссудативный плеврит». Но, главное, я очень скоро поняла, что наши студенческие представления об «интересных и неинтересных больных» — результат нашего собственного невежества. Здесь, когда больные отданы на полное мое попечение, я о каждом из них думаю, читаю в учебнике, и вижу, что все они разные, в каждом, даже самом типичном, «случае» есть свои особенности и, главное, за каждым «случаем» стоит человек, который ждет внимания, заботы, даже если он болен «скучнейшим» хроническим гастритом. Так обстоит дело со стационаром.

В поликлинике мы были бы на высоте, если бы не рецептура. А рецептура очень подводит. И почему это так получается: учим мы учим эти дозы и на фармакологии, и на терапии, а как дело дойдет до практики, так самых простейших вещей не знаем? Приходится каждую мелочь спрашивать у врачей, а это ведь стыдно и неудобно!

На вызовах дело обстоит лучше. В городе много заболеваний гриппом, так что работаем мы, как автоматы. Пришел, посмотрел, послушал, выписал больничный и норсульфазол и ушел. И так по 10—15 раз в день, а на улице жара — 35°. Так что к концу дня вид у нас бывает довольно замученный, меня даже один больной пожалел и стал угощать присланными с Украины огурцами и, чем больше я отказывалась, тем настойчивее он угощал. Наконец, он насильно засунул мне два огурца в карман и я сбежала, даже не поблагодарив. Потом весь день меня мучала совесть: ведь я нарушила основной принцип медицинского обслуживания, «взяла за визит»; я даже хотела выбросить вещественное доказательство моего преступления, но потом мы все вместе решили, что огурцы — это не страшно, и съели их с большим аппетитом.

Письмо второе

Милая Галка! Письмо твое получила и спешу ответить. Сейчас сижу в приемном покое — дежурю сегодня по больнице. Видишь, совсем как настоящий доктор. Авторитетно отвечаю на все телефонные звонки, принимаю и оформляю всех поступающих больных. Опрашиваю, осматриваю, заполняю истории болезни. Правда, прежде чем ставить свой диагноз, я предпочитаю прямо переписать его из врачебного направления. Но это не так уж важно. Главное — это сохранить и упрочить свой «авторитет».

Да, а насчет «своего авторитета» — вот что было. Мне поручили провести санитарно - просветительную беседу о глистных инвазиях на мебельной фабрике. Сама понимаешь, как мне хотелось браться за это дело, но отвертеться не удалось. И вот я набрала кучу литературы и два вечера «потела» в общежитии над ней. Но самое страшное было еще впереди. Сопровождать меня на фабрику пошли пять «наших». «В случае чего, мы создадим тебе переполненную аудиторию и бурные аплодисменты» — шутили они по дороге. Но мне было уже не до шуток: голос мой внезапно осип и ноги странно ослабли в коленях. Эти симптомы нарастали по мере приближения к фабрике, но во мне еще теплилась надежда, что беседу отменили, перенесли, что о ней забыли. Ничуть не бывало. Из проходной нас провели по цехам в красный уголок. Скоро туда стали собираться рабочие, окончившие смену. Их было немного — человек 15, но мне казалось, что народу гораздо больше, все плыло у меня перед глазами. Даже перед экзаменом по оперативной хирургии мне не было так страшно. Я не помню, что и как говорила, помню только, что говорила недолго, в конце немного успокоилась и даже предложила задавать вопросы. Сначала все молчали, а потом посыпались самые разные вопросы и даже целые выступления. Работницы спрашивали про свои болезни, жаловались на невнимательность врачей поликлиники, даже на недостаток в городе яслей. Со всем этим они, естественно, обращались ко мне, и я, волей-неволей, должна была отвечать, объяснять, оправдываться за врачей и за всю медицину.

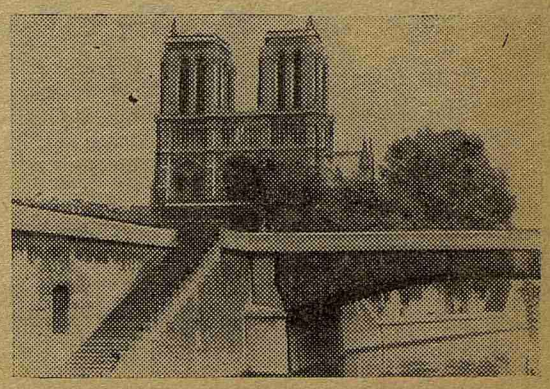
Обратно мы шли молча и думали о том, как много еще нужно сделать в медицинской науке и практике, чтобы удовлетворить справедливые требования и надежды нашего народа.

И. ФРЕЙДЛИН,
студентка V курса

* * *

ОТ РЕДАКЦИИ. Адресат не получил этих писем: его не существует в жизни. Но существовала практика и все волнения и трудности, о которых пишет в своем рассказе Ирина Фрейдлин.

ПО СЕМИ СТРАНАМ



Собор Парижской богоматери.

Утром следующего дня мы проснулись уже в Гавре. Неизбежные полицейские формальности, и вот мы в специальном поезде, идущем в Париж. Проносятся пригородные строения. Перед нами развертывается ландшафт Франции. Глаз невольно останавливается на небольших домиках, которые, при всей фантазии, нельзя назвать уютными. Они сбиты из старых ящиков, листов железа, полуразбитых фургонов автобусов. Видим людей, работающих в поле. Вот группа мужчин, приостановив работу, в дружеском приветствии поднимает кверху сложенные руки.

Париж появляется внезапно — потянулись ряды многоэтажных зданий, замелькали автобусы, длинные вереницы автомобилей, и вот мы уже — под сводами вокзала Сен-Лазар. Рассаживаемся по автобусам и выезжаем на парижские улицы — первые перекрестки, пешеходы, магазины. Жадно смотрим по сторонам — ведь перед нами город, которому недавно исполнилось 2000 лет. Вот промелькнула Вандомская колонна, Собор Парижской богоматери, а вот Тюильри. Подъезжаем к гостинице.

Сразу же после обеда мы отправились в первую экскурсию по городу: побывали в Доме инвалидов у саркофага Наполеона, в Пантеоне. Затем отправились к Собору Парижской богоматери, расположенному на острове Ситэ. Здесь две тысячи лет назад был основан город. Собор великолепен. О нем можно очень много писать, но, пожалуй, лучше всего привести слова В. Гюго, сказавшего: «Это как бы огромная каменная симфония; колоссальное творение и человека и народа».

Проходим площадь Согласия — крупнейшую, ярко освещенную площадь Парижа. Как стальная игла, высится посредине площади вывезенный из Египта Лусоргский обелиск. Это самый старый памятник в Париже, ему 3000 лет.

...В Париже почти не видно нового жилищного строительства. Вообще с жильем в городе, да и во всей стране дело обстоит плохо. Немудрено поэтому, что квартирная плата там непомерно высока. Наш гид рассказал нам, что за маленькую квартирку ему ежемесячно приходится платить 27.000 франков, что составляет более половины его заработка. Чтобы как-то свести концы с концами, он вынужден постоянно сдавать вторую комнату.

Было около пяти часов вечера, когда наш автобус подъехал к крупнейшей в мире триумфальной арке. От арки открывается поистине изумительный вид на двенадцать расходящихся улиц. В центре под аркой высится могила Неизвестного солдата, над которой горит неугасимый огонь.

Здесь к нам подошли трое молодых людей. «Скажите, вы русские?» — обратились они к нам. Мы разговорились. Выяснилось, что перед нами испанцы, прожившие в нашей стране почти 20 лет. В 1937 году эти люди детьми были вывезены из франкистской Испании к нам в Советский Союз. И вот теперь некоторые из них решили вернуться в Испанию. Но неприветливо встретили их живописные берега родины. Пришлось сразу же, едва ступили на испанскую землю, побывать на допросах во франкистской охранке.

«Мой отец, — рассказывает один из молодых людей, — держит небольшой винный магазин. Когда я приехал, он обрадовался — есть теперь кому передать дело. А я не мог себе представить, что буду здесь делать, такой чужой и непонятной казалась мне здесь жизнь. Прошло несколько месяцев. Так и не мог я найти себя на своей бывшей родине, как не мог найти там работу по специальности, и твердо решил вернуться в Советский Союз. И вот мы в Париже, ожидаем визы на въезд домой — в Советский Союз».

Париж. Пока полицейский отвернулся.

Мы тепло попрощались с молодыми людьми.

Три дня, проведенные в Париже, пролетели мгновенно. 25 июня мы покидали Париж, стараясь разобраться в своих впечатлениях.

Благополучно миновали Бискайский залив, страшивший многих своими бурями. Ранним утром «Грузия» вошла в Гибралтар. Палуба — переполнена. Да и можно ли спать в такое утро! Наш корабль проходил между европейским и африканским берегами и видеть их можно было одновременно. Черная громада горы, под которой расположена военно-морская база Гибралтар, была от нас в трех-четырех километрах.

После шестидневного пути «Грузия» пришвартовалась к причалу Неаполитанского порта. Здесь путешествие наше стало развертываться с головокружительной быстротой.

В 8 утра мы разместились в автобусах, а спустя час уже ходили по улицам Помпеи. Странное чувство испытывал каждый, кто побывал в этом замечательном городе-памятнике. В Помпее сохранились не только стены зданий, колонны, здесь можно увидеть целые комнаты. Особенно поразила нас одна комната — яркие фрески украшали ее стены, а посредине стоял обычный обеденный стол, сделанный из мрамора.

Особенно впечатляюще было посещение музея, в котором собраны не только многочисленные предметы обихода и утвари, найденные в городе, но даже скульптурные изображения погибших жителей. Эти изображения получены в результате заливки гипса в пустоты, образовавшиеся в лаве и пепле: трупы истлели, но лава и пепел сохранили ту форму, которую они приняли в момент катастрофы. Сохранился не только облик человека, но даже украшения на нем, судорожно сжатые руки, выражение ужаса, характерное для всего облика погибших.

В тот же день мы побывали в Сорренто и другой дорогой вернулись в Неаполь. Завтра — в Рим.

Рим. Площадь у собора Святого Петра.

(Начало в № 26. Окончание следует)

Ю. КРОТОВ

М-35050 Заказ № 1237 Типография им. Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57. Редактор О. БОЛЬШАКОВ